

Глава 8. Мир первый: Папочка-инвестор влюбился в меня

Во второй половине дня случайно встретившиеся участники посовещались и решили пока держаться вместе, а разделиться уже завтра.

Подобное решение не только добавляло шоу зрелищности, но и позволяло получше узнать друг друга. Особенно это касалось господина Сяна — в обычных обстоятельствах у остальных не было ни малейшего шанса к нему подступиться. Для любого из присутствующих знакомство с главным инвестором индустрии развлечений сулило лишь выгоду.

Вновь прибывшие сестры оказались общительными: они сразу пристроились рядом с Си Юэ и Тань Нунъином. Младшая, увлекшись прошлым Си Юэ, то и дело засыпала его вопросами, пока старшая деликатно не увела ее в сторону.

Старшая сестра что-то негромко выговаривала ей с глазу на глаз. Когда они вернулись, Си Юэ мимоходом отметил, что у младшей заблестели от влаги и покраснели глаза, да и на щеках проступил пунцовый румянец.

Тань Нунъин тоже заметно надулся. Наблюдая, как быстро Си Юэ сошелся с девчонкой, он чувствовал себя лишним на этом празднике жизни и обиженно молчал. Лишь когда надоедливую собеседницу увели, его лицо приняло прежний, благодушный вид.

Сян Чжуншань шел следом. Держался он прямо, смотрел строго перед собой и сохранял абсолютное бесстрашие. Вот только плотно сжатые губы выдавали его истинный настрой: от мужчины прямо-таки веяло угрюмым желанием забиться в темный угол и обиженно порисовать прутиком круги на песке.

И ведь совсем немного времени прошло, а вокруг юноши уже вьется целая толпа. О том, чтобы уступить место самому Сян Чжуншаню, никто и не думал — Си Юэ даже мимолетного взгляда в его сторону не бросил.

Идущий рядом Бай Цин лишь покачал головой и, ничуть не скрываясь, усмехнулся.

К вечеру путники неожиданно набрали на просторную речную низину. Земля здесь оказалась на удивление чистой, явно прибранной заботливыми руками организаторов, а посреди поляны высилась заготовка для огромного костра.

Вскоре из закрепленного на дереве репродуктора раздался бодрый голос режиссерской группы. Поздравив участников с обнаружением секретного «пасхального яйца», съемочная группа объявила, что дарует им щедрый набор продуктов для праздничного ужина у костра.

Едва новость отгремела, младшая сестра восторженно завизжала и захлопала в ладоши, а старшая мягко улыбнулась, глядя на ее ребячество. Си Юэ с остальными тоже не скрывали

облегчения. Все обменялись радостными взглядами, и лагерь мгновенно ожил.

Позже эти кадры, смонтированные из череды общих и крупных планов, войдут в финальную версию выпуска. На экране зрители увидят искренние улыбки, услышат восторженные возгласы и почувствуют тепло дружеских переглядываний. Эта чистая, почти осязаемая атмосфера счастья окажется настолько заразной, что впоследствии многие поклонники проекта назовут этот раздел одним из самых запоминающихся.

Наступали сумерки. Небосклон окрасился в нежные пастельные тона, постепенно наливавшиеся густой вечерней синевой. Похожие на тончайший шелк облака лениво плыли к горизонту, вбирая в себя отблески заката — от бледно-лилового и золотистого до сочного оранжевого и багрового. Пейзаж дышал величавой, завораживающей красотой.

В зеркальной глади реки, огибавшей ложбину, дрожало отражение этого небесного полотна. Вдоль берегов буйно разрослась дикая зелень, а воздух, пропитанный влагой и ароматами трав, казался восхитительно свежим.

Устроить пиршество посреди такого великолепия — редкая удача, о которой в полевых условиях нельзя было и мечтать.

Очарованные дивным видом и предвкушая первый за последние дни ужин, за который не пришлось бороться, участники с энтузиазмом взялись за дело. Быстро распределив обязанности, они разделились: кто-то принялся разводить огонь для жарки мяса, кто-то занялся подготовкой котла для ухи.

Щедрая рука организаторов выделила им мясные и овощные шашлычки, сочные стейки, куриные крылышки, несколько буханок хлеба и даже пару крупных, еще живых рыбин.

Си Юэ поручил Тань Нуньину почистить и выпотрошить улов. Затем одну рыбину он ловко нарезал на тончайшие, почти прозрачные ломтики и замариновал в специях, а вторую отдал старшей сестре — та вызвалась сварить ароматную уху.

Сян Чжуншань, вооружившись сковородой, жарил стейки неподалеку, время от времени бросая на Си Юэ короткие, якобы случайные взгляды.

Юноша тем временем смазал плоскую сковороду маслом и принялся выкладывать рыбу. Стоило нежным ломтикам коснуться раскаленной поверхности, как они схватывались за считанные секунды. Си Юэ ловко поддевал их лопаткой, и на тарелку ложились золотистые, источающие умопомрачительный аромат кусочки — невероятно сочные и нежные на вид.

Младшая из сестер, незаметно подкравшись, замороженно следила за его движениями, едва ли не пуская слюнки. Си Юэ с улыбкой протянул ей самый первый готовый кусочек. Девчушка, забавно дуя на горячую рыбу и жмурясь от удовольствия, тут же отправила лакомство в рот. Лицо ее приняло настолько блаженное выражение, будто она сейчас расплатится от счастья.

Схватив еще один ломтик, она вихрем умчалась к котелку с ухой, чтобы непременно поделиться со старшей сестрой.

Следующие порции Си Юэ раздал Тань Нунъюн, попробовал одну сам, а остальное аккуратно выложил на общее блюдо.

Сань-Сань, наблюдая за его увлеченной кулинарией, меланхолично заметил:

«Я чувствую, что Сян Чжуншань сейчас прожжет в тебе дыру своим взглядом»

Си Юэ удивленно вскинул брови и повернулся к бывшему покровителю. Тот действительно сверлил его тяжелым, нечитаемым взглядом и даже не подумал отвернуться, когда их глаза встретились.

Немного подумав, Си Юэ подцепил золотистый кусочек рыбы и протянул Сян Чжуншаню, стоявшему ближе всех. Тот на мгновение опешил. Но уже в следующий миг он удивленно взглянул, а суровые черты лица смягчились, точно лед под весенним солнцем. Он осторожно принял угощение и отправил в рот.

«Вот ведь чудак, — мысленно хмыкнул Си Юэ. — Хотел попробовать — так и сказал бы»

«???» — Сань-Сань окончательно пасовал перед уникальной логикой своего подопечного.

Сян Чжуншань никак не ожидал от юноши подобного жеста.

В последние дни Сян Чжуншань ловил себя на мысли, что заново открывает для себя Си Юэ. Прежде, во времена их так называемых отношений, он видел в нем лишь смазливую пустышку, красивую игрушку без собственного мнения. Он снисходительно исполнял роль щедрого покровителя, никогда не интересуясь тем, что творится в душе партнера.

Но после памятного банкета Си Юэ преобразился. Достаточно было одного его равнодушного, ускользающего взгляда, чтобы мир Сян Чжуншаня дал трещину. С тех пор он больше не принадлежал себе — мысли то и дело возвращались к бывшему любовнику. Он неосознанно ловил каждое его движение, спрашивал о его самочувствии, переживал о его душевном равновесии. Впервые в жизни им двигало искреннее, глубокое желание по-настоящему узнать другого человека.

Едва прознав, что Си Юэ утвердили на роль участника в экстремальном реалити-шоу, Сян Чжуншань, не раздумывая, приказал вписать в проект и свое имя. Его подчиненные в офисе корпорации тогда лишились дара речи от столь эксцентричного решения босса.

Но эти несколько дней бок о бок доказали, что он не ошибся. Си Юэ раскрылся перед ним с совершенно иной стороны. Он оказался страстным и искушенным ценителем еды,

рассудительным, проницательным и на редкость деликатным человеком. Правда, порой он впадал в какое-то странное, отрешенное состояние, словно витающий в облаках.

Сян Чжуншань видел, как гармонично и слаженно Си Юэ общался с Тань Нуньинем, как тепло относился к остальным участникам, всегда готовый прийти на выручку. И вместе с тем в нем чувствовался внутренний стержень: юноша никогда не пытался заискивать перед толпой или подстраиваться под чужие ожидания.

Наблюдая, как ловко Си Юэ колдует над нехитрой стряпней, превращая убогий сухпак в маленькие кулинарные шедевры, Сян Чжуншань невольно восхищался его изобретательностью. Тот упрямо отказывался мириться с тяготами походного быта и умудрялся баловать себя и окружающих.

И, конечно, нельзя было не заметить его мягкое лидерство и поразительное обаяние: Си Юэ легко организовывал людей, распределяя обязанности так ненавязчиво, что все беспрекословно принималось за работу. Подобный дар вести за собой, не прибегая к давлению, — редкое и поистине драгоценное качество.

Но самое главное отличие нынешнего Си Юэ от прежнего ранило Сян Чжуншаня больше всего. Между ними не осталось ровным счетом ничего. Ни любви, ни обиды, ни следа былой привязанности. Си Юэ даже не избегал его — он просто смотрел сквозь него, как смотрят на случайного прохожего на улице.

От этого открытия сердце инвестора тоскливо сжималось. Но сегодняшняя забота — пусть даже это был всего лишь протянутый кусочек рыбы — зажгла в душе крохотную надежду. Раз Си Юэ все-таки замечает его, значит, не все потеряно? Может, у него еще остался шанс исправить прошлые ошибки?

Нынешнее пиршество стало для измотанных участников самым роскошным за все время съемок.

К основному блюду Си Юэ соорудил оригинальный гарнир. Нарезав хлеб толстыми ломтями, он аккуратно разбил на каждый по яйцу, выложил заготовки на широкую сковороду и накрыл сверху глубоким жестяным ведром, создавая подобие походной духовки. Выждав положенное время, он убрал крышку. Хлебная корочка аппетитно подрумянилась и весело хрустела, а желток остался жидким и подрагивал от малейшего движения. Стоило проткнуть его, как теплая янтарная масса медленно заливала поджаристый мякиш. Вкус получился поистине божественным.

К сочным стейкам средней прожарки, румяным крылышкам, печеным овощам и наваристой ухе молочного цвета добавилось фирменное рыбное филе от Си Юэ. Участники уплетали угощения за обе щеки.

Сытые и довольные, они привели поляну в порядок, но расходиться по палаткам никто не спешил. Рассевшись вокруг весело трещащего костра, участники предались неспешной беседе.

Когда младшая сестра задорно предложила сыграть в «Бутылочку» на правду или действие, идею тут же поддержали единогласным одобрением.

Оно и понятно: каждый пришел на проект за славой и рейтингами, а подобные игры — золотая жила для интригующих анонсов. К тому же любопытство — вечный двигатель человечества, и упустить шанс вывести чужие секреты не хотелось никому.

Впрочем, нашелся один человек, которому было глубоко плевать на шоу и сплетни. Си Юэ, вдоволь набегавшийся за день, откровенно засыпал на ходу. Чтобы не портить остальным праздник, он остался сидеть в кругу, но сидел, привалившись плечом к Тань Нуньину, и то и дело прикрывал глаза.

Тань Нуньин так и сиял. Он выпрямился как струна, стараясь служить спящему другу максимально удобной опорой. Парень упорно игнорировал затекшую спину, а самодовольную улыбку на его лице не смогло бы стереть даже стихийное бедствие. Сян Чжуншань, наблюдая за этой идиллией, мрачнел с каждой секундой.

Первые несколько кругов обошлись без эксцессов: все как один выбирали «правду». Поскольку объективы камер неусыпно следили за каждым жестом, а участники обладали достаточным умом и тактом, каверзных вопросов никто не задавал. Игроки отделялись забавными байками из прошлого или безобидными тайнами, поддерживая непринужденный тон разговора.

Так, старшая сестра с улыбкой поведала пару забавных историй о временах их юности. Обе они начинали карьеру в молодежной поп-группе, и младшей тогда едва исполнилось пятнадцать. Строгая диета запрещала любые сладости, но девочка до безумия любила пирожные. Старшей приходилось тайком проносить в общежитие кусочки торта. Младшая торопливо уплетала их под одеялом, пачкая щеки кремом, а сестра терпеливо утирала ей лицо, чтобы строгие наставники ничего не заподозрили.

Рассказ, полный нежности и мягкого подтрунивания, вызвал у костра дружный смех. Смущенная виновница истории шутливо насупилась, но сестра лишь ласково взъерошила ей волосы на макушке.

Наконец очередь дошла до Сян Чжуншаня. Задававшая вопрос старшая сестра с вежливой улыбкой поинтересовалась:

— Господин Сян, если бы у вас появилась машина времени, в какой момент своего прошлого вы бы хотели вернуться?

Сян Чжуншань ответил мгновенно, без тени сомнения:

— В октябрь прошлого года. Или хотя бы на два месяца назад.

Договаривая, он в упор посмотрел на Си Юэ. Прямо, не пытаясь утаить бушевавшие в душе чувства. В его взгляде читалась такая сложная смесь тоски, раскаяния и затаенной боли, что у стороннего наблюдателя невольно защемило бы сердце.

«Ого, братец, очнись!» — потрясенно воскликнул в мыслях Сань-Сань, быстро сопоставив даты.

«М-м?» — отозвался Си Юэ. Он пребывал в полудреме и совершенно не уловил сути происходящего.

«В октябре прошлого года вы еще не расстались, — любезно пояснил Сань-Сань. — А два месяца назад он подписал соглашение о пиар-кампании, где твое имя связали слухами с Тань Нунъином ради рейтингов шоу. Теперь локти кусает»

«Понятно... Отстань, спать хочу» — Си Юэ был слишком измотан для душевных терзаний.

Сань-Сань безмолвно ушел в режим ожидания.

Будто по закону подлости, в следующем же раунде жребий пал на Си Юэ. Преодолевая страшную сонливость, он нехотя выпрямился, подавил зевок и сонно пробормотал:

— Выбираю действие.

Отвечать на каверзные вопросы — слишком утомительно для засыпающего мозга. Чего доброго, сболтнешь спросонья лишнего, а потом расхлебывай. С «действием» куда проще: коллеги — люди понимающие, издеваться и требовать невозможного не станут.

Задавать задание выпало как раз Сян Чжуншаню. Инвестор долго и молча вглядывался в его уставшее лицо, после чего негромко попросил:

— Спой мне.

Окружающие переглянулись в недоумении. В воздухе безмолвно повисло: «И это все?» Даже для дружеских посиделок поблажка казалась чересчур щедрой.

Но нашлись и те, кто уловил в этой короткой просьбе интимную нотку. Акцент на слове «мне» прозвучал слишком лично, чтобы списать его на простую вежливость. В воздухе пахло пикантной двусмысленностью.

На заре своей карьеры Си Юэ действительно позиционировался как вокалист и даже успел выпустить сольный альбом «Туманная река и луна». Увы, пластинка не снискала громкого успеха, и продюсеры спешно переквалифицировали юношу в актера.

Однако вокальные данные у него были превосходными. Голос Си Юэ отличался редкой чистотой и хрустальным звоном, напоминая росу, скатывающуюся с зеленых листьев бамбука.

Си Юэ прикрыл глаза, настраиваясь, и запел неторопливую лирическую балладу — одну из тех, что запали ему в душу вскоре после перемещения в этот мир.

— Яркая луна стекает каплями воды,

Мимо проносятся кареты и кони,

В глазах толпы отражается кто-то другой, но не я...

В его манере исполнения сквозила легкая, почти невесомая меланхолия. Голос обволакивал, точно изысканная глазурь на драгоценном фарфоре, и плавно качался в тишине угасающего вечера, подобно хорошему выдержанному вину в хрустальном бокале. Такое пение хотелось слушать не дыша, смакуя каждый звук.

Баллада повествовала об одиночестве в толпе огромного мегаполиса, где судьбы тысяч людей пересекаются лишь на миг, оставляя каждого наедине со своей пустотой. Простая, лишенная вычурных переходов мелодия в исполнении Си Юэ обрела удивительную глубину. Эта кажущаяся простота была точно в цель, рождая в сердцах слушателей светлую, щемящую грусть.

Чем безыскуснее были слова и мотив, тем ярче раскрывался богатый тембр исполнителя, обнажая скрытые в глубине души переживания.

Обычно безразличный ко всему Си Юэ сейчас пел так, словно делился сокровенным. За внешней безмятежностью и ленцой угадывался целый океан невысказанных чувств.

Под неподвижной гладью его голоса скрывались бездонные омуты. Так обилие ярких красок, смешиваясь, образует черноту, а весь видимый спектр превращается в чистейший белый свет — мнимое ничто, в котором при близком знакомстве обнаруживается целая вселенная. В этой музыке не было фальши; каждый из сидевших у костра невольно расслышал в ней отголоски собственной боли.

Звуки таяли в воздухе, погружая поляну в благоговейную тишину. Лицо Си Юэ оставалось бесстрастным. Прикрыв глаза, он бережно выпел последнюю ноту, вежливо поклонился притихшим коллегам и опустил на свое место.

Стояла мертвая тишина. Обычно неразговорчивый актер постарше незаметно смахнул со щеки слезу. Старшая сестра крепко прижала к себе притихшую девчушку. Одна из актрис уткнулась лицом в ладони, плечи ее мелко подрагивали. Бай Цин застыл, невидящим взором уставившись на пламя костра. А Тань Нуньин, растроганный до глубины души, поспешно тер покрасневшие

глаза.

Сян Чжуншань сидел неподвижно, не отрывая взгляда от Си Юэ. По его суровому лицу катились крупные слезы, которых он, казалось, даже не замечал. Лишь когда младшая сестра громко хлюпнула носом, мужчина вздрогнул, словно очнувшись от наваждения, и поспешно, со скрытым замешательством, опустил голову, смахивая влагу с ресниц.

Праздничный ужин, начавшийся с веселого смеха и шума, завершился в щемящем безмолвии. Словно яркий фейерверк, озаривший небосвод и мгновенно угасший, оставив после себя лишь горстку пепла. Как и всякая красивая история, эта встреча оборвалась на тихой, печальной ноте.

Под аккомпанемент этого молчания участники начали негромко прощаться и расходиться по своим палаткам. Каждый уносил с собой затаенную грусть и собственные думы.

Примечательно, что после той ночи поведение Сян Чжуншаня разительно изменилось. Он стал подчеркнуто избегать Си Юэ.

Больше он не искал его взгляда и не заговаривал первым. Но стоило Си Юэ случайно обернуться, как он неизменно ловил на себе тяжелый, безотрывный взор бывшего возлюбленного.

В этих глазах не было злости или неприязни — скорее глубоко затаенная, мучительная недосказанность, граничащая со смирением.

В конце концов даже Си Юэ, чья толстокожесть вошла бы в легенды, заподозрил неладное.

«Сань-эр, у Сян Чжуншаня шкала симпатии сдвинулась?» — мысленно поинтересовался он.

«Ни на йоту», — отозвался Сань-Сань.

Странное дело. Повысился уровень привязанности или упали — переменам нашлось бы логичное объяснение. Но сухие цифры застыли на месте, а поведение мужчины становилось все загадочнее.

Окончательно запутавшись в мотивах бывшего спонсора, Си Юэ мысленно махнул рукой. В конце концов, чужая душа — потемки. Он решил не забивать себе голову глупостями и продолжил жить привычной, размеренной жизнью.